

ХІІ Международнй съезд славистов
 Краков, 27.8– 2.09.1998 г.
 Доклады литовской делегации

Из проблематики формирования балтийских и славянских этнонимов

СИМАС КАРАЛЮНАС

Университет Витаутаса Великого,
 Институт литовского языка

В докладе обсуждаются некоторые спорные вопросы формирования балтийских и славянских племенных названий на балто-славянском языковом пограничье. Лингвоэтнические процессы, происходившие на стыке двух этносов в условиях взаимодействия в течение долгих веков, обусловили специфику формирования как балтийских, так и славянских этнических названий, которые не всегда можно однозначно отнести к одному или другому лингвозтносу. Новые идеи и новый материал в балтистике и славистике, появившиеся в результате исследований последних десятилетий, делают возможным пересмотр имеющихся гипотез и интерпретаций, при соблюдении, однако, метода внутренней реконструкции как основного. В докладе внимание уделяется прежде всего происхождению названия белоруса (иногда поляка или русского) в литовском языке, а также объяснению племенного названия *Golensizi* в Географе Баварском.

1. Лит. *gùdas* 'белорус; (иногда) поляк или русский'

Исторические и фольклорные данные свидетельствуют о том, что *gùdas* (мн. ч. *gudai*) находилось в употреблении значительно ранее XVI в. и не имело пейоративной коннотации. Важная особенность его употребления состоит в том, что это племенное название географически не приурочивается к какой-нибудь определенной территории или народу, другими словами, оно является как бы квазиэтнонимом. Но, с другой стороны, оно ведет себя как подлинный этноним. В диалектах литов-

ского языка им называют некрещеного младенца, а в других лингвокультурных традициях для этого как раз и используются этнонимы, напр., лтш. *krievīņš* ‘некрещеный младенец’ : *krievs* ‘русский’; вогул. *māñčī* ‘вогул; некрещеный младенец’ [Етym. Wörterbuch des Ungarischen II, 923]; русск. диал. *лонь* ‘некрещеный младенец’, вероятно, от *лонь* ‘саамы, лопари’ [Фасмер II 517, 520].

Этнонимическому характеру лит. *gūdas*, которому в латышском соответствует *guds* ‘белорус; белорусский паромщик’, по-видимому, не противоречит то, что им обозначаются также сами литовцы, представители других диалектно-этнографических групп. При этом направление локализации *gūdas* всегда восточное или юго-восточное: литовцы в бывшей Прусской Литве называли насмешливо *gudai* литовцев, живущих в восточной и юго-восточной части Литвы за Неманом. Для западных литовцев, жемайтов, *gudai* – это жители средней Литвы в окрестностях Шяуляй и Йонишкис, а восточные жемайты *gudai* называют восточных аукуштайтов, граничащих с белорусами. Восточные литовцы так называют белорусов, иногда русских, западные и южные литовцы – поляков. Здесь мы сталкиваемся с постепенным перенесением этнонима *gudai* на жителей соседних областей, притом, что местные жители, называя этноним, указывают обычно место проживания населения, обозначаемого этим этнонимом, и направление от данного пункта к этим местам. Аналогичное перенесение, например, имеет место также в случае употребления этнонима *литвины* украинцами и белорусами. В северо-восточной части Волинской области (Украина) и в прилегающих районах Брестской области (Беларусь) *литвинами* называют население, проживающее севернее, т.е. носителей основной части брестско-пинских, а нередко и верхнеясельдских, северо-брестских, гродненско-барановичских говоров. Носители основной части брестско-пинских говоров иногда называют литвинами носителей северных периферийных говоров этой же группы и население, проживающее еще севернее. Для носителей брестско-пинских говоров (в районах Кобрина, Пинска и др.) литвины – это носители говоров верхнеясельдских, северо-брестских, гродненско-барановичских, а носителей говоров гродненско-барановичских литвинами называют представители верхнеясельдских и северо-брестских говоров [Климчук 1985, 168–169].

Таким образом, употребление этнонима *литвины* локализуется в северо-западном направлении, т.е. в направлении Великого Княжества Литовского и этнографической Литвы.

Лит. *gūdas* ‘белорус; (иногда) поляк или русский’ и лтш. *guds* ‘белорус; белорусский паромщик’ многими исследователями считались

заимствованным племенным названием готов (ср. *Gothi, Gothones, Gutones* в античных источниках, др.-сканд. *Gotar*), которое впоследствии якобы было перенесено на славян, находившихся в низовьях Вислы под властью готов [Diefenbach 1855, 382; Förstermann 1870; Prätorius 1871, 5; Būga 1922; Rudnicki 1922, 1927; Senn 1925; Karsten 1928; Fraenkel 1950; 1962; Vasmer 1971 и др.]. По предположению некоторых из этих авторов, заимствование должно было состояться до германского передвижения согласных, т.е. тогда, когда еще произошло *ghudōs. Другие исследователи принимали более позднее время заимствования, а превращение герм. *gutaz в лит. *gudas* (-*t*- в -*d*-) объясняли воздействием исконных слов типа прусск. *gudde* ‘куст; лес’, лит. *gūdras* ‘умный, хитрый’ и под. [Hermann 1941] или предполагали, как, напр., Р. Экблом, иной источник – из др.-шв. *gute* ‘житель острова Готланд’ [Ekblom 1959], который, кроме того, вслед за Й. Эндзелином [Endzelīns 1942, 121; 1943, 182], видел возникшее таким образом *gūdas* ‘белорус’ в составе лит. *gūdobelė* ‘дикая яблоня’, *gūdkarklis* ‘желтолозник’, *gūdnoterė*, *gūdnotrėlė* ‘мелкая крапива’. Предполагалось также, что этноним готов содержится в топонимах *Gdańsk/Danzig, Gdynia/Gdingen* и др. [Hermann 1941, 245 и след.].

Делались также попытки доказать существование отдельного славянского племени *gъdi, балтийской передачей которого и явилось лит. *gudai* ‘белорусы’ [Kiparsky 1934, 166]. Предполагалось, что это племенное название сохранилось в ряде топонимов на славянской территории, которые детально проанализировал финский ученый Й. Миккола. Как русск. *Гдов*, др.-русс. *Гдовъ*, название города на восточном берегу Чудского озера, так и польск. *Gdów* (город в восточной Галиции), по его мнению, образованы от *nomen proprium* *Gъdъ и относятся к древним славянским топонимам, основа которых представлена, во-первых, в лит. *gūdas*, старом названии русского и белоруса, во-вторых, в южно-славянском племенном названии в латинизированной форме *Guduscani* 818–819 г., позднее *gačani* ‘жители округа Гацко’, восходящем к *gъdъsk-ěne, производном от топонима *Gacko* < *Gъdъsko [Mikkola 1938, 11; ср. Фасмер I, 400].

Несколько иной способ рассуждения был у А. Брюкнера, несмотря на то, что его рассуждения строились на указанных именах собственных. *Guthkepole* 1174 г. в Мекленбурге (из *gъdъkoje polje) и *Gacko pole* в Герцеговине (из *gъdъsko polje, ср. *Guduscani*) А. Брюкнер считал тождественными, имеющими лишь различные суффиксы, и в их основе видел адъектив *gъdъ, этимологически совпадающий как с лит. *gūdas* ‘белорус’, так и с прусск. *gudde* ‘куст; лес’. В связи с этим А. Брюкнер дал следующую интерпретацию лит. *gudai*: “Die lit. *Gudai* sind dann

vielleicht “Waldleute, Hinterwäldler” (auf geringererem Kulturstufe, fremde, geringgeschätzte Leute)” [Brückner 1923, 51]. Однако в славянских языках неизвестно никаких признаков существования прилагательного *гѣдъ, этимологического соответствия прусскому *gudde*.

Из других объяснений следует упомянуть попытку А. Бещенбергера возводить *gūdas* к блр. *гусці, гусць* ‘гудеть’ в качестве прозвища белорусов паромщиков на Немане, играющих на гусях [Bezzenberger 1900, 241–242], а также реконструкцию значения *gudai*, инвариантом которого является ‘тот, кто не владеет нашей обычной речью’ В.В. Иванова и В.Н. Топорова [1980, 18–19], имевших в виду тот факт, что лит. *gūdas* обозначает не только белоруса, но и любого другого человека, говорящего на ином диалекте. Аналогичное предположение высказывалось также в литовском языкознании при включении *gūdas* в этнолингвистическую оппозицию ‘ясно говорящие (люди)’ – ‘неясно, непонятно говорящие (люди)’ на основании сопоставления данного квазиэтнонима с лтш. *gudāt* ‘причитать, жаловаться’, лит. *gausti (gaudė)* ‘гудеть, звучать’ [Karaliūnas 1985, 55–56].

На основании того, что западные литовцы (в Восточной Пруссии и Жемайтии) *gudai* называли – и теперь в Жемайтии называют – жителей территории, расположенной к юго-востоку, независимо от того, литовцы они, поляки или белорусы, М. Гринблат [1959, 540–541] предположил, что этноним *gudai* принадлежал какой-то местной группе древних литовцев, конкретнее, был одним из древних названий ятвягов, живших в полосе Гродно–Ошмяны и южнее, по направлению к Новогрудку, т.е. там, где в настоящее время проживают белорусы католики, или обелоруженные литовцы. Однако по топонимам Белоруси, имеющим корень *Гуд-*, нельзя определить ареал проживания предполагаемых гудов-белорусов, так как населенные пункты с корнем *Гуд-* (от лит. *gudai* ‘белорусы’) концентрируются в западных областях Белоруси, где до XIX в. еще проживало литовское население. Кроме того, М. Гринблат основывался на ложном предположении Я. Сембржитского о тождественности названий *gudai* и *Sudovia*, в польском произношении *Żudwo*, древней ятвяжской области [Sembrzycki 1891, 851 и след.]. Чередование *g* и *ż* имеет место в балтийских и славянских соответствиях лишь перед гласными переднего ряда *i, e* (ср. *geležis* : *želazo*; *geltas* : *zólty*), но никак не перед *и*.

В новейшем ‘Сравнительном словаре индоевропейских языков’ лит. *gūdas* этимологически сопоставляется с такими словами германских языков, как ср.-нж.-н. *gute* ‘злой дух, демон’, датск., норв. *gút*, шв. диал. *gutt* ‘мальчик, подросток, парень’ < и.-е. *ghūdos [Mann 1984–1987, 347]. Но, что любопытно, к этому архетипу возведено также

племенное название готов лат. *Gothi, Guthones*, др.-англ. *Gotan* [Напр 1991, 85–86]. Таким образом возникает вопрос, не тождественны ли на самом деле в этимологическом плане лит. *gùdas* ‘белорус’ и этноним готов вместо того, чтобы первый был заимствован из последнего.

Многое теперь объясняется по-иному.

В связи с гипотезой о следах готского этнонима в балтийских языках и предположением Р. Экблома о возможном заимствовании наименования готландцев в литовский и латышский интерес представляют два обстоятельства. Во-первых, в Литве словом *gudai* называют славянские народы – белорусов, реже поляков или русских – или даже самих литовцев, проживающих на востоке и юго-востоке. Для обозначения стран и народов, находящихся на западе, в литовском и латышском имеются *Vókia* и *Vāca*, теперь обычно ‘Германия’. Во-вторых, в перечне слов под названием *Pogańske gwary z Narewu*, предполагаемом польско-‘ятвяжском’ словаре, найденном в конце семидесятых годов нашего столетия в Пружанском районе Гродненской области (в Беларуси) [Зинкявичюс 1984, 11, 13], имеется слово *guti* ‘krzyzacy, крестоносцы’. Балтийское *guti* ‘крестоносцы’, по-видимому, следует сопоставлять с др.-русск. *гѣте* мн. ч. ‘жители острова Готланд’, ‘готы’ (ед. ч. *гѣтинь*), которые считаются заимствованием из гот. *guta* ‘гот’ или шв. *gute* ‘готландец’, др.-исл. *gotar* [Фасмер I, 448; Трубочев 1980, 215]. Сдвиг значения в балтийском (ятвяжском?) *guti*, по-видимому, обусловлен появлением на Западе в конце XII в. немецких крестоносцев. То, что данный этноним был известен балтийскому населению средневековой Восточной Прибалтики, подтверждается исторически. В договоре 1229 г. между Ригой и Смоленском жители острова Готланда называются *гѣте*. Следовательно, балт. (ятвяжское?) *guti* ‘крестоносцы’ (< *‘готландцы’) опровергает предположение Р. Экблома о том, что продолжением шв. *gute* ‘готландец’ в литовском является *gùdas*.

Если искать в балтийском рефлекс самоназвания готов, то только в предполагаемом ‘ятвяжском’ *guti*; впрочем, на то, что ‘ятв.’ *guti* фонетически безупречно воспроизводит готское самоназвание *gut-* (в композите *gutþiuda* ‘народ готов’ из готского календаря VII в., в форме *gutani*, род. пад. мн. ч., на кольце из Пьетроассы IV в., а также в ряде античных передач), внимание уже обращалось [Орел, Хелимский 1987, 125].

Гидронимы и топонимы, имеющие корень **Gud-*, распространены на значительной территории Восточной и Юго-восточной Европы. Поморским топонимам *Gdańsk/Danzig* и *Gdynia/Gdingen* имеются соответствия в других славянских ареалах: *Гданск*, название правых

притоков рек Иквы, Стыри и Припяти на Западной Украине, топонимы *Kdanice* и *Kdyně* в Чехии, *Gdinj*, название населенного пункта около Пага, и *Dinjiška* (< *Gdinj-), река у Хвара в Хорватии. Кроме того, к гидронимическому корню *Gud- относятся *Gacka* (*Gàcka*, *Gâcka*), название рек в Хорватии у Гацко поле и в Герцеговине, а также *Gacko* (*Gàcka*), местность в Герцеговине, отражающие *Gьck- < *Gьdsk- < *Gьdьsk- или, возможно, *Gьdьsk-. От гидронима *Gacka*, по-видимому, получили свои названия не только местность *Gacko* и *Gacko polje*, но и название хорватской жупы, засвидетельствованное Константином Порфирирогенетом (X в.) в качестве Γουτζηρχῶ с названием жителей Гацка *gàčani* < *гьdьsk-ěne, отраженном в латинизированной форме *Guduscani* (ср. *Borna dux Guduscanorum*) в 'Vita Hludovici imperatoris' и в франкских анналах 818–819 г.

Аналогичное происхождение имеет чеш. *Hedčany*, древнее *Hedčéné*, производное от местного названия *Hedeč*, *Hdeč*, выводимого от *Gьdьkjo- [Gebauer 1970, 410].

Польск. *Gdów* (город в Восточной Галиции), имеющий суффикс *-ów* (как, напр., *Brzów*, *Wiśnów*), теперь считается топографическим и его связь с предполагаемым личным именем *Gied, *Gda (< *Gьdь) отрицается [Rospond 1984, 89]. Польск. *Gdów* по форме точно совпадает с рус. *Гдов*, др.-русск. *Гдовь* (древний город на восточном берегу Чудского озера), гидронимическое происхождение которого подтверждается свидетельством Псковской летописи от 1431 г.: *Городъ новъ на Гдовѣ на берегѣ* [Никонов 1966, 99–100; Нерознак 1983, 57–58]. Гидронимический корень *Gud- представлен также в ойкониме *Гдзень* (Брагинский район Гомельской области) < *Guden-.

Особенно богато данный корень представлен в водной номенклатуре территории Литвы: *Gudōnas*, река и озеро, *Gùd-ežeris*, озеро, реки *Gùdas*, *Gùd-upis*, *Gùd-upelis*, *Gùd-grabė*, *Gùd-ravis*, *Gùd-intakis*, *Gud-mėšla*, *Gudėn-ėlė*, *Gudūn-ėlė*.

Ввиду географического распространения данных гидронимов и топонимов на широком пространстве в Восточной и Юго-восточной Европе – Литва, Беларусь, Россия, Украина, Польша, Чехия, Хорватия, Сербия – исследователи с немалой степенью правдоподобия предпочитают их отнести к реликтам древнеевропейской гидронимии, образованным от и.-е. корня *gud- в дославянский период [Udolph 1980, 26–28]. Отсюда становится ясным, что гидронимический корень *gud- не может иметь ничего общего с племенным названием готов и что, следовательно, весьма частое отождествление *Gdańsk/Danzig* с *Gothiscandza* Йордана или с *sinus Codanus* Помпония Мелы отпадает, тем более что Коданский залив, по-видимому, следует искать в западной части

Балтийского моря.

С другой стороны, поскольку корень **gud-* в балтийском засвидетельствован аппеллятивно (ср. прусск. *gudde* ‘куст, лес’), исследователи допускают возможность балтийского происхождения *Gdańsk/Danzig*, *Gdynia/Gdingen* и некоторых других названий. Ф. Лоренц и Э. Френкель для *Gdańsk/Danzig* реконструировали исходную основу **Gudān-*, к которой был присоединен славянский суффикс *-ъsk-* (ср. *Gyddanizc* 997) и которую эти исследователи в этимологическом плане сопоставили с прусск. *gudde* ‘куст, лес’ [Lorentz 1966, 247; Fraenkel 1950, 64–65; 1962, 174]. Такой анализ подтверждается, во-первых, тем, что основа **Gudān-* точно совпадает с гидронимом *Gudōnas* на территории Литвы (Udolph 1980, 26–28; Brauer 1981, 71–73), чисто балтийским образованием, а именно: от гидронима *Gūdas* при помощи суффикса *-ān-* таким же образом как, напр., *As-ōnas*, *Kur-ōnas* и *Pal-ōnas* с тем же формантом – от *Asŷs*, *Kurŷs* и *Palà*. Сказанное вполне относится и к гидрониму *Гданск* на Западной Украине. Во-вторых, через *Гданск* текущий поток носит балтийское по происхождению название: *Motława/Mottlau* из прусск. *Mutulavā или *Mutulōvā*, ср. прусск. *Mutulis* 1346, *Muteling* 1406, озеро, лтш. *Mutulīte*, река, и аппеллятивы лит. *mutulŷs* ‘бурлящая, клубящаяся вода’, лтш. *mutulis* ‘водоворот’ [Lorentz 1966, 245; Udolph 1980, 28].

Кроме того, для *Gdynia/Gdingen* Ф. Лоренц и Э. Френкель также восстановили балтийскую основу **Gudūn-* [Lorentz 1966, 247; Fraenkel 1950, 65–66], что подтверждается литовскими гидронимами *Gudūn-ėlė* и *Gudūn-iškis*. Гидроним *Гдовь*, давший название городу *Гдов*, также считается балтийским по происхождению [Никонов 1966, 99–100; Нерознак 1983, 57–58]. Что касается блр. *Гдзень* < *Gŷdenŷ, то основу **Gudēn-*, правда, с долгим гласным в основе, также находим на территории Литвы, ср. *Gudēn-ėlė*, река *Kaišiadorys*.

Не только последних два названия, но и гидронимы и топонимы в бассейне Нижней Вислы и Поморского края находятся в ареале распространения балтийской гидронимии и археологических культур, относимых к древним балтам. Исчерпывающее сравнительно-историческое изучение водной номенклатуры данного региона позволило не только установить, что балтийские поселения простирались на левом берегу Вислы [Lorentz 1905, 1966; Krahe 1943; Labuda 1979; Gornowicz 1980; Brauer 1981; Топоров 1983, 263–273], но и выявили существование отдельного (от пруссов), самостоятельного балтийского диалекта между Вислой и Парсентой [Schmid 1987]. Имеются наконец исторические свидетельства о том, что пруссы смешанно с немцами обитали к западу от Вислы в Восточной Померании, а в окрестностях *Гданска* пруссы проживали даже до 1348 г. [Lorentz 1905].

Предполагавшийся некоторыми исследователями корень **gъd-* ‘мокрый, болотистый’ в апеллятивной системе славянских языков не засвидетельствован, а потому объяснить упомянутые водные и местные названия на славянской почве не представляется возможным. Кроме того, в славянских языках отсутствуют данные, которые могли бы подтверждать существование славянского племени *gъdi.

Значения ‘куст; лес’, ‘болотистый лесок, кустарник’, ‘болото, трясина’ и ‘ил, грязь’ являются близкородственными (см. ниже), поэтому представляется возможным к корню **gud-* рассматриваемых гидронимов и топонимов на апеллятивном уровне отнести не только прусск. *gudde* ‘куст; лес’, но, по-видимому, также такие слова германских языков как, напр., норв. *gytje* ‘ил, грязь’, шв. *gyttja* ‘то же’, норв. *gota* ‘лоток, канавка, борозда’, др.-англ. *gyte* ‘канал; течение’, нем. *Gosse* ‘лоток, жёлоб’ (< герм. **gut-* < и.-е. **ghud-*). Соответствующий однокорневой глагол представлен в лат. *fundo* (перф. *fūdī* < *foudai), *fundere* ‘лить; выливать, проливать; разливать; сыпать, высыпать, рассыпать; метать, бросать; рождать, производить...’.

Значения ‘куст; лес’, ‘болотистый лесок, кустарник’, ‘болото, топь, трясина’ [Fraenkel 1938, 405] и ‘ил, грязь’ составляют семантическую филиацию, ср. 1) лит. *dumblà, duñblas* ‘ил, грязь’, лтш. *duñbla* ‘то же’: лтш. *duñbra* ‘большая лужа; болотистый луг; илистое место’, *duñbrs (duñbris)* ‘болото, топь, трясина’; 2) лит. *puřvas* ‘грязь’ лтш. *pūrvs* ‘болото’; 3) лит. *pólumas* ‘низкое, влажное, болотистое место; болотистый кустарник; большая площадь леса, поля’, лтш. *pālums (pālums)* ‘полоса, чем-нибудь выделяющаяся из среды; пустое место (где не растут хлеба и трава); бледный блеск на небе’ при имени прилагательном *pāls (pāls)* ‘бледный’ в латышском [Каралюнас 1981, 110–111]; 4) лит. *týras* ‘топкое болото, поросшее кустарником; пустыня’ (ср. *Týras yra toks miškas, kur kerai beliko* LKŽ XVI 397–398 ‘Тугас’ом является такой лес, от которого остались лишь кусты’), *týrelis* ‘болото, топь’, *týruliai* ‘большие болотистые пространства’, лтш. *tūrelis (tūrelis)* ‘большая, глубокая топь, трясина; кустарник; лес...’: лит. *týras* ‘пустой, чистый; светлый, прозрачный, ясный; настоящий, истинный’, лтш. *tīrs* ‘чистый; истинный, подлинный’; 5) лит. *plýnė, plýnia* ‘гладь, равнина; пустыня; болото, трясина, топь’ *plýnas* ‘гладкий, ровный; пустой, чистый; голый; чистый, прозрачный’; 6) лит. *pėlkė* ‘болото’, лтш. *pelce* ‘лужа’, прусск. *pelky* ‘болото’, алб. *pellk* ‘бассейн, пруд, русло реки, глубокое место’ лит. *pilkas* ‘серый’; 7) прусск. *balt-* ‘болото’ в топонимах *Namun-balt, Peuse-balten, Rytha-balt*, ст.-слав. *blamo*, алб. *baltë* ‘болото, ил’, др.-далмат. *balta* ‘болото’, триест. *paltan* ‘грязь, ил, тина’, рум. *bală* ‘болото; грязь’ лит. *báltas*, лтш. *balts* ‘белый’; 8)

русск. диал. *биль* ‘чистое, голое моховое болото’ (Даль), польск. *biel* ‘низкий, заболоченный лес’: русск. *белый*, польск. *biały* и др.

Таким образом не только доказывается генетическая связь значений ‘куст; лес’, ‘болотистый лесок, кустарник’, ‘болото, топь, трясины’ и ‘ил, грязь’, выражающихся одним словом или родственными словами, но и неожиданно выявляется существование имен прилагательных со значениями ‘белый; бледный; серый; светлый, ясный, прозрачный; чистый, прозрачный; чистый, пустой; голый; гладкий, ровный; настоящий, подлинный, истинный...’, при названиях болот и болотистых мест, в большинстве случаев служащих деривационной базой этих названий. В таком случае возникает вопрос о том, какое имя прилагательное могло существовать при прусск. *gudde* ‘куст; лес’ и его этимологических соответствиях в других и.-е. языках, если вообще оно существовало.

Дикая яблоня в литовском называется *gùdobelė*, сложным словом из *gùda-* (ср. диал. *gùdaobelė*) и *obelis* ‘яблоня’, противопоставленным по семантическому признаку ‘дикий, простой, некультивированный’ слову *obelis*, названию прививной яблони в саду. Этот признак выражается первым компонентом *guda-*. *Gùdkarklis* ‘желтолозник’ составляют *guda-* и *kaĩklas* ‘ива’. С одной стороны, *guda-* в этом сложении обозначает ‘простой, обыкновенный’, ср. *Geriausius (rausvuosius, nelūžtančius) karklus gudakarkliais vadiname* ‘Лучшую (красноватую, неломашуюся) иву называем желтолозником’ [LKŽ III 692 s.v. *gùdakarklis*]. С другой стороны, некоторые данные разговорной речи, как, напр., *Gudkarkliai – maži karklų veislės krūmeliai, auga grioviuose, turi smulkius, sidabrinės spalvos lapelius* ‘Желтолозник – это низкий куст ивовой породы, растет в канавах, имеет мелкие серебристые листики’ [LKŽ III 695], указывают на значение *guda-* ‘ничтожный, мелкий; простой, плохой’. Противопоставление *gùdnoterė, gùdnotrėlė, gùdnotrynė* ‘мелкая крапива’ [Юшкевич 1897, 486] и *noterė, notrėlė, nōtrynė* ‘крапива’, как нетрудно заметить, на семантическом уровне выражается присутствием/отсутствием признака ‘мелкий’; кроме того, этот признак относится к первому компоненту сложения. *Guda-* в значении ‘простой, дикий’ представлен также в названии полевого воробья *gùd-žvirblis*, диал. *gùda-žvirblis* со вторым компонентом *žvirblis* ‘воробей’.

Таким образом, в качестве первого компонента данных композитов обнаруживается имз прилагательного *guda-* с основой на *-i-* и значениями ‘дикий, первобытный; простой, обыкновенный; мелкий, ничтожный; плохой’.

В западных диалектах, главным образом, жемайтских, литовского языка представлены такие слова как *gùdrumas* masc., *gùdruma* fem., *gùdrumas* masc., *gudrumà* (acc. sing. *gùdrumą*) fem. ‘середина дня, ночи, лета, зимы, когда более всего проявляются их отличительные свойства’

[Юшкевич 1897, 486–487; LKŽ III 698–699]. В их основе лежат прилагательные **gūdra-*, **gūdra-* (с кратким *и* в корне) ‘светлый, яркий, т.е. такой светлости, яркости, когда солнце находится в наивысшей точке на небе’, от которых по продуктивной модели образования имен существительных при помощи суффикса *-um-* и были образованы указанные имена (ср. *báltumas* ‘белый слой дерева; белок’, *baltumà* ‘белое пятно’: *báltas* ‘белый’; *lygumas* ‘ровность, гладкость’, *lygumà* и *lyguma* ‘равнина’: *lygus* ‘ровный, гладкий; равный’; подробнее [Skardžius 1943, 212–214]. Семантическую сторону процесса деривации объяснили бы, напр., рус. *sреди бела дня* и нем. *am lichten Tage*. Появление антонимических значений ‘середина ночи’ (: ‘середина дня’) и ‘середина зимы’ (: ‘середина лета’) у *gūdrumas/gūdruma*, *gūdrumas/gūdrumà*, а также у слова *gūdas* ‘глубокая ночь’ объясняется реализацией противоположности значений по качественному признаку ‘наивысшая точка’ – как и в других случаях, ср. лтш. *laīnags* ‘полдник’, ‘полночь’; *azaīds* ‘завтрак; обед’, ‘ужин; полночь’; лит. *vākartis*, *vākartis* ‘полдник’, ‘завтрак’, производное от *vākaras* ‘вечер’ при помощи *-t-*; рус. *ужин*, диал. *ужина*, но др.-русск. *ужина* ‘полдник’, производные от *юг* с первоначальным значением ‘еда в полдень’ [Фасмер IV 152].

При этом следует учесть также некоторые дополнительные данные. Во-первых, из *gūdumas* masc., *gūdumà* (acc. sing. *gūduma*) fem. ‘середина (ночи, зимы, леса...)’ южных говоров следует, что наряду с **gūdr-/gūdr-* существовало также **gūd-*, следовательно, и **gūd-*, без форманта *-r-*. Во-вторых, лит. диал. *gūdrinas* ‘настоящий, истинный’, представляющий собой дериват при помощи *-inas* от **gūdra-* (как, напр., *āklinas* ‘закрытый наглухо, глухой’ *āklas* ‘слепой’; *būtinas* ‘необходимый, обязательный’: *būtas* ‘бывший’), указывает на то, что с **gūdra-/gūdra-* ‘светлый, яркий’ этимологически соотносятся не только *gūdr-inas* ‘настоящий, истинный’, но и *gūdinas*, *gūdnas*, *gūdnas* ‘то же’ в северо-восточных аукштайтских говорах. Данные прилагательные со значением ‘настоящий, истинный’ находятся в таком же семантическом отношении к *gūdrumas/gūdruma*, *gūdrumas/gūdrumà* и *gūdumas/gūdumà* ‘середина (дня, ночи, лета...)’, как лит. *āžnas* ‘настоящий, истинный’ – к лтш. *azaīds* ‘середина дня, ночи’, др.-инд. *áhar*, *áhan-* ‘день; дневной свет’ [Karaliūnas 1992, 193–195]. Связь семемы ‘настоящий, истинный’ и ‘светлый, яркий’ подтверждается также другими примерами, напр., ст.-сл. *rěsnь* ‘настоящий, подлинный’ при лит. *ráiškus* ‘ясный, светлый, яркий’; лтш. *īsts* ‘настоящий, истинный; истый’ при лит. *ysčias* ‘ясный, светлый, яркий’ < **īstja-*.

Восстановленные лексемы **gūdra-* ‘светлый, яркий’ / **gūdna-* ‘настоящий, истинный’, **gūdra-* ‘светлый, яркий’ / **gūdna-* ‘настоящий,

истинный' характеризуются количественным чередованием корневого вокализма (*ū/ĩ*) и регулярным соотношением формантов *-r/-n-*, т.е. свойствами, предполагающими глубокую древность этих прилагательных. Наряду с ними, однако, существовала также основа **gūda-/gūda-* 'светлый, яркий; настоящий, истинный', что подтверждается прилагательными *gūdas* 'обыкновенный; привыкший, искусный, опытный' в словаре А. Юшкевича [1897, 485] и *gūdinās* 'настоящий, истинный' в диалектах [LKŽ III 694]. Добавив к этой группе слов *guda-* 'дикий, первобытный; простой, обыкновенный; мелкий; простой, ничтожный...', функционирующий в качестве первого компонента композитов *gūdobelē, gūdkarklis, gūdnoterē, gūdzvirblis*, получаем искомую семантическую филиацию, – семасиологически, кроме приведенных выше примеров, ср. 1) лит. *grūnas* 'чистый; настоящий, истинный; пустой; голый; скудный, бедный...'; 2) лит. *švarūs* 'чистый; ясный, светлый, прозрачный; пустой; ровный, гладкий...'; 3) лит. *tūščias* 'пустой, порожний; скудный, ничтожный; чистый, настоящий, су-щий...'; 4) лит. *dūkas* 'пустой, порожний; свободный; ненужный; настоящий, истинный...', лтш. *dīks* 'пустой, порожний; голый, скудный, бедный; праздный, незанятый...', польск. *dziki* 'дикий, первобытный', русск. *дикий* 'первобытный; пустынный, глухой, ненаселенный...', диал. *дикой* 'дикий, недомашний...'; 5) нем. *blank* 'блестящий, сверкающий; чистый; начищенный (до блеска); гладкий, полированный; обнаженный, непокрытый; голый; 6) лат. *glaber* 'ровный; голый, лысый' < и.-е. **ghladh-*, др.-сканд. *gladr* 'гладкий, ровный; сверкающий, сияющий', др.-в.-нем. *glat* 'то же' < герм. **glada-*.

Как уже отмечалось, имена прилагательные во многих случаях являются деривационной базой названий болот и болотистых мест (кустарников и под.). Следовательно, прусск. *gudde* 'куст, лес', т.е. /*gudēl*/, лит. *plūnė, plūnia* 'пустыня; болото, трясина, топь...' правдоподобнее всего считать производными при помощи *-ē, -jā* от прилагательных *guda-* 'дикий, первобытный; простой, обыкновенный; мелкий, простой, ничтожный...'; *guda-* (и *gūda-*) 'светлый, яркий, прозрачный; настоящий, истинный...' и *plūnas* 'гладкий, ровный; пустой, чистый; голый; чистый, прозрачный'. Имена существительные, однако, образовывались также другим способом, а именно путем субстантивизации прилагательных. Напр., *o*-основные *tūras* 'топкое болото, поросшее кустарником; пустыня', *tyrai* мн. ч. 'пустыня' и *laukas (laukai* мн. ч.) 'ровное место без деревьев; поле, пашня' в литовском появились в результате субстантивизации прилагательных *tūras* 'пустой, чистый; светлый, прозрачный, ясный...' и *laukas (и laukas)* 'с лысиной или белой отметиной на лбу'. Субстантивизация прилагательного *gudas (*gudai

мн. ч.) ‘дикий, первобытный; простой, обыкновенный; мелкий, ничтожный; светлый, яркий, прозрачный; настоящий, истинный...’ могла дать племенное название *gūdas* (*gudai* мн. ч.).

Польск. *mazur* и *Mazowsze* (по-видимому, из *Mazovъsje, ср. др.-русск. *мазов(ь)шане*) этимологически сопоставляется с лит. *māžas* ‘малый, маленький’ [Фасмер II 558; Трубачев 1993, 33]. Такое объяснение представляется вполне возможным, так как в балтийских языках засвидетельствован алломорф данного корня с продленной ступенью вокализма: лит. *možėti* (*mōži*, *-ėja*) ‘постепенно уменьшаться, убывать, снижаться...’, *mōžti* (*-ta*, *mōži*) ‘то же’, лтш. диал. *māz* ‘мало’ От прилагательного *māza- при помощи суффиксов *-ūr-* (ср. лит. *Dedūra*, фамилия, и *kišūra* ‘тот, кто что-нибудь так положит, что нельзя найти’) и *-avā* могли быть образованы названия как жителей **māžūr-*, так и страны *Māžavā (с дальнейшим преобразованием фонетического порядка в процессе мазурения).

Возведение *mazur*, *Mazowsze* к польск. *mazia* ‘болото’, *mazac* ‘смолить, пачкать’ и др. не представляется достаточно обоснованным (см. критику [Natanson-Leski 1959, 429]).

Лит. *gūdas* (*gudai* мн. ч.) ‘белорус; (иногда) поляк или русский’ как результат субстантивизации прилагательного **guda-* ‘мелкий, ничтожный, простой...’ представляло бы собой перевод племенного названия *mazury*. Это объясняло бы, почему литовцы *gudai* называют своих соседей, живущих в юго-восточном направлении. Но почему тогда этим квазиэтнонимом называются восточные соседи балтов – белорусы и русские?

Восстановление первичной формы этнонима *дреговичи* по его отражению в *Повести временных лет* составляет определенные трудности, так как древнейшие дошедшие до нас списки этого памятника составлены в XIV в. – после падения редуцированных. Поэтому не удивительно, что реконструкция исходной формы и корня значительно изменяется: **dreg-* [Фасмер I 536–537], *dregvītji/**dręgvītji* [Трубачев 1974, 55], позднее только *dręgvītji [Трубачев 1978, 139], **dręgvīt’i* [Sławski 1981, 222–223]. Своеобразную точку зрения предлагает Г.А. Хабургаев [1979, 196–197]: исходная форма *dręgvīci образовалась не раньше IX в., когда к балтийской автохтонной форме *dreguva – того же корня что и лит. *drėgnas* ‘сырой, влажный’ – был присоединен славянский патронимический суффикс *-iči* < **-ījai*.

В списках *Повести временных лет* представлены следующие варианты этнонима *дреговичи* (Хабургаев 1979, 190):

Дреговичи 3х в Лаврентьевском списке;

Дрегвичи 2х в списках Радзивилловском и Московской духовной

Друговичи, Дрьговичи по Іх в Троицком списке.

Кроме того, известны следующие топонимы: *Дрѣговичѣ* 1116, *Дрегвиче* 1149.

Разобраться в этом сложном вопросе помогло бы привлечение новых данных. И действительно, в словарики *Pogańske gwary z Narewi* имеется *drygi* 'moskali', т.е. жители Московского княжества, русские [Зинквичус 1984, 11]. Подлинность такой формы подтверждается названием населенного пункта *Dryga* в самой северной части бывшего Белостокского уезда (на территории Польши), в ареале густого скопления литовских ойконимов, недалеко от села под названием *Rusaki* (т.е. 'русские'). Таким образом, *Dryga* и *Rusaki* представляются как будто перевод один другого [Каралюнас 1998 (в печати)]. На основании названий населенных пунктов *Jatwież Mała, Jatwież Duża* с достаточной вероятностью предполагается, что данные поселения, расположенные у крупного массива болот, могли быть основаны сохранившимся здесь ятвяжским населением, позднее, в эпоху Великого Княжества Литовского, литуанизовавшимся [Гаучас 1988, 201]. Не может быть сомнения в том, что *drygi* и *Dryga* являются балтийскими (ятвяжскими) формами этнонима др.-русск. *дреговичи*, блр. *дрыгавічы* с регулярным отсутствием патронимического по происхождению суффикса *-овичи* как и в случае с др.-русск. *кривичи* при лтш. *krievi* 'русские'.

Балт. *drygi* и *Dryga* с кратким *i* в корне (обозначенным графемой *y* после веляризованного *r*) указывали бы на праформу **drig-*, которая совпадала бы с *Дрьговичи* Троицкого списка и закономерным рефлексом которой было бы др.-русск. *дрег-овичи* (< **drygъъviċi*) и после падения сверхкраткого *ъ* > *дрегвичи*. При этом, по всей видимости, существовал также вариант корня **dryg-*, что подтверждалось бы блр. *дрыгавічы* (ср., напр., блр. *брывно* : ст.-слав. *брьвь*) и на что указывали *Друговичи* Троицкого списка и *Δρουγουβίται* императора Константина Порфиrogenета в середине X в.

Употребление племенного названия дреговичей главным образом концентрировалось на белорусской этнической территории, а в белорусском языке приходится считаться с присутствием праславянских диалектизмов и, следовательно, со своеобразным варьированием вокализма, ср., напр., блр. *дрóгкі* 'тряский' (< **drygъкъъь*), но рядом также *дрéгка* 'тряско', предполагающий **drygъкъъь* [Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, 1985, 151–152]. Аналогичное варьирование вокализма как раз и отражает балтийская по происхождению праформа **dryg-/dryg-*, или **drygъval/*drygъva* в реконструкции Г.А. Хабургаева, – лежащая в основе этнонима дреговичей. В связи с этим интерес представляет двойная рефлексация корневого вокализма в таких

словах литовского языка как *drìgnė*, *drìgnė̃* ‘венец вокруг луны или солнца; радуга’ и *drìugnė̃* ‘радуга’ (< *drugnē), имеющих суффикс *-n-*, ср. диал. *drìgmė* с суффиксом *-m-*, что вряд ли является случайным и делает уместным заключение о данных лексемах как этимоне племенного названия дреговичей. Следовательно, в основе данного этнонима скорее всего лежит балтийский корень **drig-/drug-* ‘светлый, яркий (т.е. наивысшей, небесной светлости, яркости)’.

Важно также отметить, что данное объяснение вписывается в этно-исторический контекст. Во-первых, диалекто-этнографическая группа восточных литовцев, граничащая с Беларусью, называется *aukštaičiai* (от слова *áukštas* ‘высокий’); при этом названия населенных пунктов аукштайтского (литовского) происхождения доходят даже до Минска, ср., напр., *Гўды* и *Галінцы* в окрестностях Минска (лит. *Gudai* и *Galiniai* от *gālas* ‘конец’). Во-вторых, название *Беларусь* основывается на имени прилагательном *белый*. Не исключается, что оно является трансформацией-переводом **dr̥g-/dr̥g-* ‘светлый, яркий’ в процессе консолидации в белорусскую народность восточно-славянских прабелорусских этнических объединений кривичей-полочан, дреговичей и радимичей, возникших вследствие симбиоза и синтеза балтов и славян. Эту возможность происхождения названия *Белая Русь* следует также учесть при других попытках объяснения данного названия, напр., при допущении цветовой символики в обозначении стран света (белый цвет для обозначения запада и т.д.) [Ludat 1953; Mańczak 1975; Иванов 1981].

На юго-западе Украины, на Волыни и южном Припятском Полесье, археологические древности, относимые к славянам, обнаруживаются начиная с VI в. Эти древности, например, в погребальном обряде, эволюционируют в древнерусские. В IX–X вв. вырисовываются границы трех племенных групп – вельнян, древлян и дреговичей. Дреговичи занимали сравнительно небольшую часть Припятского бассейна в той его части, где впоследствии был основан племенной центр – город Туров. Судя по курганам с трупосожжениями, археологи считают, что дреговичи начали колонизировать левобережную часть Припятского бассейна только в IX–X вв. Кроме того, на основании погребального материала в область дреговичей также включается междуречье Припяти и Западной Двины (Дaugавы), что подтверждает также *Повесть временных лет*: славяне, которые сѣдоша межю припетью и двиною, и нарекошася дреговичи. Следовательно, территория дреговичей распадается на две части: южную с центром в Турове с поселениями начиная с VI–VII вв., и северную, образовавшуюся после IX в. в результате славянской колонизации. Важно отметить, что северная часть совпадает, во-первых, с областью распро-

странения дославянской культуры штрихованной керамики, приписываемой одной из групп восточных балтов, в частности, предкам Литвы, во-вторых, с ареалом сплошной балтийской гидронимии на территории Белоруси. Отсюда делается вывод, что население Припятско-Двинского междуречья, которое хорошо было известно летописцу, составляли славянизированные балтоязычные автохтоны – прямые потомки южной группы носителей культуры штрихованной керамики [Хабургаев 1979, 144–149].

Таким образом, историко-археологические свидетельства совпадают с лингвистическими данными, и вместе с тем подтверждают балтийскую этимологию племенного названия *дреговичи/дрегвичи* – от балтийского корня **drig-/drug-* ‘светлый, яркий (т.е. наивысшей, небесной светлости, яркости)’. Остается лишь добавить, что лит. *gudai* ‘белорусы; (иногда) поляки и русские’, как результат субстантивизации адъектива **guda-* ‘светлый, яркий (т.е. такой светлости, яркости, когда солнце находится в наивысшей точке на небе)’, по всей вероятности, является переводом племенного названия дреговичей. Это обстоятельство объясняло бы, почему литовцы своих восточных соседей белорусов, иногда русских, называются *gudai*.

2. Балт. *galindai* и *Golensizi* Географа Баварского

Племенное название *Golensizi* Географа Баварского Я. Отрембский и М. Рудницкий считали лехитским, западно-славянским по происхождению – от **lečъ* (ср. др.-русск. *ляхъ*, лит. *lėnkas* ‘поляк’), а М. Рудницкий, кроме того, предполагал присутствие в нем приставки **go-*. Исходной формой якобы явилась **Go-leč-itjoi*, на почве лехитских языков превратившаяся в **Goleš-ici*, которую Географ Баварский якобы передал в виде *Golensizi* [Otrębski 1950, 73–74; Rudnicki 1949, 377–378; 1961, 36, 251–252]. Существование приставки **go-* в славянских языках, однако, является весьма проблематичным. Дело в том, что топонимы и водные названия, в которых предполагается эта приставка, вполне удовлетворительно можно объяснить, не выделяя ее. Напр., в названии озера *Goplo* выделить корень *Gop-* и суффикс *-l-* заставляет соответствие в прусском *Gapo-wido* 1305, лес, которое чередованием корневого вокализма (*a : e*) связано в литовской номенклатуре с *Gepižėžeras* и с топонимами XVI в. *Gepaite*, село, *Gepotei* (околица) и *Gepušras* (сенокос). Вариант корня **Gāp-* (**Gōp-*) с продленной ступенью корневого вокализма представлен в лит. *Gopiūtės* (и *Gopiūtė*), болотистый кустарник (район *Varėna*), а также в *Gana*, левом притоке Пешатки, правом притоке Буга в Волынской области (Украина).

То, что именем **lędĕninŭ*/**lędjaninŭ* и отсюда развившейся краткой формой **lęchŭ* (как, напр., др.-русск. *Рахъ* – из *Ратиборъ* или чеш. *Mach* – из *Matěj*) в древности называли себя поляки, нельзя считать окончательно доказанным. Более правдоподобным, по-видимому, является то, что этим именем древних поляков называли восточные славяне, ибо *ляхи* Киевских летописей относилось к целой группе западно-славянских племен – полянов, мазуров, поморян, лютичей и др. [Прицак 1971, 353]. Данное положение основывается также на том, что др.-русск. **lędjaninŭ* (ср. *лядска зьмяя*, *лядское поле* в *Повести временных лет*) отражается, во-первых, в *Λευζενίνοι*/*Λευζανίνοι* византийского императора Константина Порфирогенета (середина X в.); во-вторых, в заимствовании венгерского языка *lengyel* ‘поляк’, др.-венг. *lengyen* (засвидетельствовано уже в 1086 г. в качестве личного имени *Lengen*). Лит. *lėnkas* ‘поляк’ тоже получено из древнерусского (< **lęchŭ*) еще до X в.

Не представляется более обоснованным также предположение С. Роспонда о том, что *Golensizi* вначале было топографическим названием **Golenie* ‘жители лесной области’ (от др.-польск. *gola* ‘пуща’) [Rospond 1959, 53], так как оно не объясняет сочетание согласных *-ls-*.

В свое время *Golensizi* Географа Баварского напомнили А. Брюкнеру древнепрусское название *Goleđa*, вместе с тем этот автор поражался тому, каким образом у Моравских Ворот могли оказаться пруссы, но тотчас же А. Брюкнер добавил, что *Goleđa* было известно даже готской Испании [Brückner 1957, 56]. Таким образом, по предположению А. Брюкнера, *Golensizi* Географа Баварского могут иметь связь с названием балтийских галиндов. Такую возможность не исключают О.Н. Трубачев [1974, 65] и В.Н. Топоров [1979, 140].

Действительно, с помощью допущения о том, что этноним галиндов, попав в славянские языки мог славянизироваться, т.е., кроме фонетического облика получил в добавку патронимический суффикс **-iŭjo-* (ср. *вятичи*, *кривичи*, *лютичи*), вполне удовлетворительно можно объяснить появление как *Golensizi* Географа Баварского, так и древнечешских названий *Holasizi*, *Golazici*. Исходная форма **Galind-iŭjo-* (< *Galindai*) на почве западно-славянских языков закономерно изменилась в **Goleđzici*, которая, по-видимому, и отразилась в *Golensizi* в Географе Баварском в IX в., а в древнечешском дала как *Golazici*, так и *Holasizi*, так как буквой *s* здесь может обозначаться согласный **-z-* (< **-dz-* из **-d-* перед *i*, ср. польск. *miedza* – чеш. *meze* < **medja*).

В сообщении так называемого Географа Баварского о народах и краях на север от Дуная, составленном между 840 и 870 г. [Fritze 1952, 326 и след.], после славянских племен *Lupiglaa* и *Opolini* следует *Golensizi [habent] civitates V* [Horák a Trávníček 1956, 3] ‘Голенсизи

Golensizi [habent] civitates V [Horák a Trávníček 1956, 3] ‘Голенсизи (имеют) пять городов’. Голенсизи – жители более поздней провинции под названием *Golazici* или *Holasici* с городом Опава как центром у Моравских ворот. Существование такого племени и его градов несколько столетий спустя, в 1150 г., подтверждает Вроцлавская булла своим *gradice Golensizesche* где-то между Цешиным и Отмуховым.

В связи с положением о том, что в основе *Golensizi* Географа Баварского лежит племенное название галиндов, существенным представляется, во-первых, то, что топоним *Holedec* в Чехии возводится к **Golęd-:c*: и от его производного *Golęd-ьсь-ьь восстанавливается местное название *Holedcův dvůr* [Топоров 1983, 130]. Во-вторых, название *Golensizi* повторяется не только в Чехии, ср. *Holenschau* – город на юго-востоке от Пржерова, но и в Саксонии, ср. *in pago Gudice nomine Golenciza* в документе 1013 г. Последнее совпадает с *Terra Gudecus* (в источниках также *Gudicus* 1342, *Godekus* 1346, *Godeke*, *Gedeke* 1417, нем. *Göttkendorf* в округе Алленштейн) в древней Пруссии [Gerullis 1922, 47; Wenskus, Timpe 1996, 328–329], названием, по-видимому, образованном от личного имени, ср. прусск. *Gudeike*, *Guddene*, лит. *Gudikis*.

Имя галиндов было хорошо известно и в средневековой Польше. В древней ономастике находим, напр., *Serv(us) ... Golandin* около 1065 г., *Contra Andream Golanda* 1458 [Słownik staropolskich nazw osobowych II, 153], *Golentkowo* 1240, *de Golanthkowo* 1426, *Golańkowo* 1576 и др., среди современных названий населенных пунктов имеются, напр., *Golańkowo* около Пултуска, *Goleździn* около Радома, *Goleździnów* около Варшавы, *Goleźdzkie* около Кутна [Słownik geograficzny II, 652, 654–655].

Выяснение исторических обстоятельств появления таинственных следов пребывания балтов (галиндов) в Чехии, Силезии и Саксонии следует, по-видимому, начать с противоположного конца Европы – с Испании.

О существовании в Испании имен собственных, содержащих элемент *Galind-*, науке было известно давно. Именем *Galindo* назывался некий воин в вестготском войске; *Prudencijus Galindo* был епископом Тройес (846–861), одним из составителей Бертинских анналов, родом из Испании; имя *Galindo* носил также епископ Пампелуны (924–939) [Müllenhoff 1887, 19; Schmittlein 1948, 60].

Существование имен собственных с основой *Galind-* на Пиренейском полуострове выявилось тогда, когда началось систематическое исследование германских элементов в исторических источниках Галлии и особенно Испании, а также в испанском и португальском языках. Особенно много вестготских имен с компонентом *Galind-* обнаружили

Galindus, *Galind(d)* в картулярии аббатства Saint-Sernin de Toulouse между 844 и 1200 г., т.е. спустя много времени после падения Тулузского коро-левства вестготов в 711 г. На основании такого материала Э. Гамиллшег уже был в состоянии реконструировать готское личное имя *Galinds в значении 'галинд' [Gamillscheg 1934, 315].

Неожиданностью, однако, явилось то, что целый пласт как личных, так и местных названий, связанных с этнонимом галиндов, содержится в исторических источниках Галисии, северо-западной провинции Испании. Они были старательно собраны, классифицированы и проанализированы В.Н. Топоровым [1983, 136–138], ср., напр., топонимы: *Calende* 927, *campus de Galindonis* 1093, *Castel de Galindo*, *Fuente Galindo*, *Tor de Galindo* 1110 и др.; антропонимы: *Galindus* 805, 952, 965 etc., *Galindo(ne)* 812, 865, 975 etc., *Galinda* 913, *Galindo* 924, 986, *Gualindus* 984, *Galendo* 816, *Galendus* 887, *Galinde* 975, *Galind* 1066, *Galingo* 937 [с переходом *-nd-* в *-ng-* (!), как в топонимах древней Пруссии [Gerullis 1922, 223] и многие другие [Топоров 1983, 136–137]. Существование целого пласта имен собственных, выведенных из этника галиндов, вряд может быть случайным, и этот изумительный факт, по-видимому, лучше всего объясняется не мнимыми воспоминаниями готов о своей прародине в низовьях Вислы, но тем допущением, что среди вестготов в Испании некоторое время существовала самостоятельная этническая группа балтийского происхождения – галиндов, по всей вероятности, дольше всех сохранившаяся в провинции Галисии (*Galícia*), на крайнем северо-западе Испании, на крайнем западе Европы, оказавшись в наибольшей изоляции [Топоров 1983, 135, 138]. Логическим следствием из этого допущения, по-видимому, является то, что в миграции готов из бассейна Нижней Вислы около III в. нашей эры на юг принимали участие также галинды. С переселением части галиндов связывается поредение галиндских поселений, заметное в археологических культурах V в. [Nowakowski 1996, 329–330]. Исторические причины и обстоятельства миграции в силу отсутствия достоверных данных пока еще не вполне ясны и понятны, но исследователи весьма гипотетически, в общих чертах, при помощи метода аналогий, пытаются раскрыть этот исторический процесс.

Черняховская археологическая культура Поднепровья, Поднестровья, Причерноморья и Придунавья (III–IV вв. нашей эры) считается германской ввиду найденных на ее территории рунических надписей и ее явной связи с германской вельбарской культурой на Мазурах, в низовьях Вислы и Померании. В нашем случае важно то, что северная граница распространения черняховской культуры достигала верховья Стыри, Горыни, правых притоков Припяти, а также Тетерева, правого

притока Днепра, местами (напр., в устье Десны) пересекала Днепр, где уже могли начинаться поселения балтов. А следы этнонима галиндов в местных названиях простираются как раз параллельно с северной границей черняховской и вельбарской культур от низовий Вислы на юго-восток до Буга и Волыни. Такое ареальное размещение интерпретируется исторически как следствие двух параллельных и независимых миграций – германской (готов и гепидов) и западно-балтийской (галиндов). Отсюда делается вывод, что балты, т.е. галинды, также могли принимать участие в великом переселении народов. Вместе с тем предполагается, что основной причиной миграции галиндов, возможно, и других балтийских племен скорее всего было появление готов в Нижнем Повисленье, на рубеже двух эр, нарушившее лингвоэтническое равновесие данного региона [Топоров 1983, 129–133, 233–235].

При этом, не исключается, что на Волыни или где-нибудь недалеко от нее часть галиндов в процессе миграции повернула на восток, в междуречье Москвы и Оки, где древнерусские летописи засвидетельствовали существование племени Голядь, а другая часть вслед за вестготами направилась на запад, в польско-чешскую пограничную полосу у Моравских ворот, а также в Силезию и Лужицу, где много топонимов с элементом *Galind-*.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаучас, П. 1988: К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в Средневековье, *Балто-славянские исследования 1986*, Москва, 195–213.
- Гринблат, М.Я. 1959: К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов, in *Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии*. Москва, 523–543.
- Зинкявичюс, З. 1984: Польско-явтяжский словарь?, *Балто-славянские исследования 1983*, Москва, 3–29.
- Иванов, В. В. 1981: Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (К названию Белоруссии), *Балто-славянские исследования 1980*, Москва, 163–177.
- Иванов, В.В., Топоров, В.Н. 1980: О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы), in *Славянские древности. Этногенез. Материальная культура древней Руси*, Киев.
- Каралюнас, С. 1981: Лит. *rólytas* ‘болотистое место’, *Этимология 1979*, Москва, 110–111.
- Каралюнас, С. 1998: Этнонимы в т. наз. польско-явтяжском словаре, *Балто-славянские исследования* (в печати).
- Климчук, Ф.Д. 1985: Восточнославянский этноним ‘литвины’, in *Международная конференция балтистов 9–12 октября 1985 г. Тезисы докладов*. Вильнюс, 168–169.
- Нерознак, В.П. 1983: *Названия древнерусских городов*, Москва.

- Никонов, В.А. 1966: *Краткий топонимический словарь*, Москва.
- Орел, В.Э., Хелимский, Е.А. 1987: Наблюдения над балтийским языком польско-‘ятвяжского’ словарика, *Балто-славянские исследования 1985*, Москва.
- Прицак, О. 1971: *Lenzeninoi* Константина Порфирородного, in *Symbolae in honorem G. Y. Shevelov*, München.
- Топоров, В.Н. 1979: *Прусский язык*. Словарь (Е–Н), Москва.
- Топоров, В.Н. 1983: Галинды в Западной Европе, *Балто-славянские исследования 1982*, Москва, 129–140.
- Топоров, В.Н. 1983: Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы, *Балто-славянские исследования 1982*, Москва, 227–263.
- Топоров, В.Н. 1983: Новые работы о следах пребывания пруссов к западу от Вислы, *Балто-славянские исследования 1982*, Москва, 263–273.
- Трубачев, О.Н. 1974: Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян, *Вопросы языкознания*, 6, 48–67.
- Трубачев, О.Н. 1978: *Этимологический словарь славянских языков*. Выпуск 5, Москва.
- Трубачев, О.Н. 1980: *Этимологический словарь славянских языков*. Выпуск 7, Москва.
- Трубачев, О.Н. 1993: *Этимологический словарь славянских языков*. Выпуск 18, Москва.
- Фасмер, М. I–IV: *Этимологический словарь русского языка*. Издание второе, стереотипное, Москва, 1986–1987.
- Хабургаев, Г.А. 1979: *Этнонимия ‘Повести временных лет’*, Москва.
- Юшкевич, А. 1897: *Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках*. Том I, выпуск I, Санкт-Петербург.
- Bezenberger, A. 1900: Ursprung, Bedeutung und Verbreitung des Volksnamens ‘Gudden’, *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*, 21. Heft, 217–242.
- Brauer, W. 1981: *Prußische Siedlungen westlich der Weichsel. Versuch einer etymologischen Deutung heimatischer Flurnamen*, Lübeck.
- Brückner, A. 1923: Danzig, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 38, 44–55.
- Brückner, A. 1957: *Dzieje kultury polskiej*. III wydanie, I, Warszawa.
- Būga, K. 1922: *Kalba ir Senovė*, I dalis, Kaunas 1922 (= Būga K. *Rinkiniai raštai*, II, Vilnius, 1959).
- Diefenbach, L. 1855: [Rez.] , *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 4, 379–398.
- Ekblom, R. 1959. Balt. *gudas* und schw. *gute* ‘Gotländer’, in *Rakstu krājums. Veltījums akadēmīķim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un darba gadu atcerei*, Rīgā, 91–99.
- Endzelīns, J. 1942: Altpreussisches, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 18, 104–124 (= Endzelīns J. *Darbu izlase*, III (2), Rīga, 1980).
- Endzelīns, J. 1943: *Senprūšu valoda*, Rīgā.
- Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*, II, Budapest, 1994.
- Förstermann, E. 1870: Altmordisch und litauisch, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 19, 353–381.
- Fraenkel, E. 1938: Beiträge zur indogermanischen Semasiologie, *Revue des Études indoeuropéennes*, I, 405–439.
- Fraenkel, E. 1950: *Die baltischen Sprachen*, Heidelberg.

- Fraenkel, E. 1962: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, I, Heidelberg–Göttingen.
- Fritze, W. 1952: Die Datierung des Geographus Bavarus, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 21, 326–342.
- Gamillscheg, E. 1934: *Romania Germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des Alten Römerreichs*. Bd. I. Zu den ältesten Berührungen zwischen Römern und Germanen, Berlin–Leipzig.
- Gebauer, J. 1970: *Slovník staročeský*, I, Praha.
- Gerullis, G. 1922: *Die altpreußischen Ortsnamen*. Berlin und Leipzig.
- Gornowicz, H. 1980: Staropruskie nazwy wodne na Powiślu Gdańskim, *Acta Baltico-Slavica*, 13, 25–35.
- Hamp, Eric P. 1991: Otrębski on the Name of the Goths, *Lingua Posnaniensis*, 32–33, 85–86.
- Hermann, E. 1941: Sind der Namen der Gudden und die Ortsnamen Danzig, Gdingen und Graudenz gotischen Ursprungs?, *Nachrichten von der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-Hist. Klasse*, Jg. 1941, Nr. 1, 207–290.
- Horák, B. a Trávníček, D. 1956: Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Bavorský geograf), *Rozprawy Československé Akademie věd. Ročník 66. Rada SV, sešit 2*, Praha.
- Karaliūnas, S. 1985: Etnolingvistinė opozicija ‘aiškiai kalbantieji’ – ‘neaiškiai, nesuprantamai kalbantieji’ ir liet. *gūdas*, lat. *guds* semantika, etimologija bei daryba, in *Tarptautinė baltistų konferencija 1985 m. spalio 9–12 d. Pranešimų tezės*, Vilnius, 55–56.
- Karaliūnas, S. 1992: Lit. *ožl̃nis* ‘Südostwind’ und lett. *azaīds* ‘Mahlzeit’, *Idogermanische Forschungen*, 97. Band, 182–196.
- Karsten, T. E. 1928. *Die Germanen*, Berlin und Leipzig.
- Kiparsky, V. 1934. *Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*, Helsinki.
- Krahe, H. 1943: Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel, *Altpreußen*, 8(3), 11–12.
- Labuda, G. 1979: Zagadnienie osadnictwa ludności bałtyckiej na lewym brzegu dolnej Wisły, in *Konferencja Pomorska*, Wrocław–Kraków–Warszawa, 13–34.
- LKŽ = *Lietuvių kalbos žodynas*, I–XVIII. Vilnius, 1941–1997.
- Lorentz, F. 1905: Preußische Bevölkerung auf den linken Weichselufer, *Archiv für slavische Philologie*, 27, 470 etc.
- Lorentz, F. 1966. Preußische Ortsnamen und Appellative in Namen im Raum links der unteren Weichsel, *Zeitschrift für Slawistik*, 11 (2), 243–250.
- Ludat, H. 1953: Farbenbezeichnungen, in Völkernamen, *Saeculum*, IV, 138–155 (= Ludat H. *Slaven und Deutschen im Mittelalter*, Köln–Wien, 1982, 285–311).
- Mańczak, W. 1975: Biała, Czarna i Czerwona Ruś, *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, XIX, 31–39.
- Mann, E. Stuart: 1984–1987: *An Indo-European Comparative Dictionary*, Hamburg.
- Mikkola, J. J. 1938: *Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch* (= Mémoires de la société finno-ougrienne, 75). Helsinki.
- Müllenhoff, K. 1887: *Deutsche Altertumskunde*, Bd. 2, Berlin.
- Natanson-Leski, J. 1959. Nazwy plemienne w Polsce, *Onomastica*, V.
- Nowakowski, W. 1996: Galinder. Archäologisches, *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*, Bd. 10, Berlin–New York, 329–330.

- Nowakowski, W. 1996: Galinder. Archäologisches, *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*, Bd. 10, Berlin–New York, 329–330.
- Otrębski, J. 1950: Miscellaneés onomastiques, *Lingua Posnaniensis*, 2, 71–79.
- Prätorius, M. 1871: *Deliciae Prussicae oder Preußische Schaubühne*. Berlin.
- Rospond, S. 1959: *Dzieje polszczyzny śląskiej*, Katowice.
- Rospond, S. 1984: *Słownik etymologiczny miast i gmin PRL*, Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Rudnicki, M. 1922: Lechici i skandynawi (Nordowie), *Slavia Occidentalis*, 2, 220–246.
- Rudnicki, M. 1927: *Gopło*, *Slavia Occidentalis*, 7, 505–507.
- Rudnicki, M. 1949: Golensizi = *Goleżycy?, *Slavia Occidentalis*, 19, 377–378.
- Rudnicki, M. 1961: *Prasłowiańszczyzna. Lechia–Polska*. II. Wspólnota słowiańska. Wspólnota lechicka–polska, Poznań.
- Schmid, W. P. 1987: Beiträge zur Bestimmung der Baltischen Westgrenze, *Baltistica*, XXIII (1), 4–12.
- Schmittlein, R. 1948: *Études sur la nationalité des Aestii*. I. Toponymie lituanienne, Offenbourg en Bade.
- Sembrzycki, J. 1891: Ziemie północne i zachodnie kraju żudwińskiego i ich granice, *Wisła*, 5, 851–864.
- Senn, A. 1925: Die ältesten Beziehungen zu den Slaven und Balten, in *Germanische Lehnwortstudien*, Berlin und Leipzig.
- Skardžius, P. 1943: *Lietuvių kalbos žodžių daryba*. Vilnius.
- Sławski, F. 1981: *Słownik prasłowiański*, 4. Wrocław–Warszawa–Kraków...
- Udolph, J. 1980: Alteuropa an der Weichselmündung, *Beiträge zur Namenforschung*, Neue Folge, Bd. 15(1), 25–39.
- Vasmer, M. 1971: *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*, herausgegeben von Herbert Brüer, 1, Berlin.
- Wenskus, R., Timpe, D. 1996: Galinder. Historisches, *Reallexikon der Germanischen*.